

Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства

Аполлон Григорьев. Сочинения в двух томах
Том второй. Статьи. Письма
М., "Художественная литература" 1990
Составление с научной подготовкой текста и комментарии Б. Ф. Егорова

(Посвящено А. Н. Майкову)

Die im lanern des Bewusstseins wieder aufstehenden und als theogonisch sich erweisenden Mächte können keine anderen als die erzeugenden selbst sein {*}¹.

Шеллинг

{* Силы, вновь возникающие в сознании и являющиеся теогоническими, не могут быть иными, как только созидающими (нем.).}

I

Критику нашу, и в особенности критику последнего двадцатилетия, упрекали, отчасти не без оснований, в длинных рассуждениях по поводу явлений, очень часто маловажных или, по крайней мере, гораздо менее важных, чем вопросы, поднимаемые длинными рассуждениями.

Между тем,-- весьма странное обстоятельство! -- как ни длинны были эти предисловия, как, по-видимому, ни важны были вопросы, которые так или иначе поднимала, затрогивала, разрешала критика,-- доселе еще невозможно избежать новых, не меньше длинных предисловий, новых рассуждений о новых, ежеминутно возникающих вопросах, за что бы ни взялась в настоящую минуту критика. Замечательно, что оговорки, вроде того, что о таком-то произведении нечего сказать более сказанного уже критикою сороковых годов², или ссылки на прежние статьи, встречаемы были с одинаковым негодованием всеми серьезными литературными направлениями.

Я говорю это не о таких критических статьях, которые пишутся о произведениях первостепенных в нашей словесности. В первостепенных произведениях всякой словесности, а стало быть, и нашей, сколь их в ней ни мало, есть та неуывающая красота, та прелесть вечной свежести, которая будит мысль к новой деятельности, к новым размышлениям о жизненных вопросах, к новым проникновениям в тайны художественного творчества. В созерцании, первостепенных, то есть *рожденных*, а не *деланных* созданий искусства, можно без конца потеряться, как теряется мысль в созерцании жизни и живых явлений. Как *рожденные*, и притом рожденные лучшими соками, могущественнейшими силами жизни, они сами порождают и вечно будут порождать новые вопросы о той же жизни, которой, они были цветом, о той же почве, в которую они бросили семена. Бесконечные и неисследимые проявления силы творческой, они не имеют дна, они глубоки и вместе прозрачны: за ними есть еще что-то беспредельное, в них сквозит их идеальное содержание, вечное, как душа человеческая; их не исключить из общей цепи человеческих созерцаний, как не исключить из общей цепи судеб человечества ту жизнь, которую они отразили в вечном типе и с которой связаны они сплетением тончайших нервов. Их значение в мировой жизни столь же велико, как значение ее самой, и нечему удивляться, что они могут служить предметом постоянных и во всякое время имеющих значение и важность созерцаний мысли: как художественные отражения неперемennого, коренного в жизни, они не умирают: у них есть корни в прошедшем, ветви в будущем. Я не о них говорю, а говорю о второстепенных, о третьестепенных явлениях, порождаемых уже не столько самую жизнью, сколько первостепенными созерцаниями искусства, разъясняющих, развивающих в подробном, так сказать мифическом, анализе тот цельный, непосредственный и сжатый синтез новых